

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19><https://elibrary.ru/adbopg>

Поступила: 14.04.2025

Принята: 13.09.2025

Опубликована: 02.04.2026

**ПОТЕНЦИАЛ НРАВСТВЕННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ***Пырина Мария Владимировна*

*Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

В исследовании рассматривается взаимное влияние стремительного развития технологий и формирования ценностей и мировоззрение современного человека и общества. Философский подход к изучению соотношения значимости ценностей в информационную эпоху предполагает комплексный взгляд на эволюцию как ценностей, так и техники на протяжении развития человеческой мысли, а также выявление современного состояния этих явлений. Исследования в данной области помогают раскрывать сущность взаимодействия человека и технологий, а также выявлять новые формы ценностных ориентаций, необходимых для успешной адаптации к быстро меняющемуся информационному миру. Осознание человеком, что технический прогресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на моральные устои человека, требует проведения междисциплинарных исследований. Философы XX века Ж. Эллюль, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Э. Тоффлер, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Латур, Э. Агацци и др. выделили проблемы личностного, социально-психологического, нравственного кризиса, подавления волевой и творческой активности человека, способности критического мышления и способности интерпретации контекста событий, а также смены онтологического статуса техники. Исследования в области философии, этики технологий способствовали появлению соответствующих нормативных рамок для обеспечения этичного использования техники в соответствии с нравственными принципами. Только таким образом можно сформировать гармоничное взаимодействие человека и техники (технического устройства), сохраняя ценности и принципы морали в информационном обществе, помогая обществу лучше понять и оценить этические вызовы в современном мире.

Ключевые слова: техника, нравственность, ценность, нравственный смысл, личность, онтологический статус техники.

Для цитирования:

Пырина М.В. Потенциал нравственного и технологического в современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19>.

EDN: ADBOPG

THE POTENTIAL OF THE MORAL AND THE TECHNOLOGICAL IN MODERN PHILOSOPHY

Maria V. Pyrina

*Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg),
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)*

The study examines the mutual influence of the rapid development of technology and the formation of values in modern society. The intensive use of technology in everyday life has a significant impact on a person's worldview and value orientations. The philosophical approach to studying the correlation of the importance of values in the information age presupposes a comprehensive view of the evolution of both values and technology throughout the development of human thought, as well as the identification of the current state of these phenomena. Research in this field helps not only reveal the essence of human–technology interaction but also identify new forms of value orientations necessary for successful adaptation to the rapidly changing information world. The awareness that technological progress can have both positive and negative effects on human moral principles requires interdisciplinary research. Philosophers of the 20th century J. Ellul, M. Heidegger, G. Marcuse, A. Toffler, L. Mumford, J. Ortega y Gasset, B. Latour, E. Agazzi, and others identified the problems of personal, socio-psychological, moral crisis, suppression of volitional and creative activity of a person, the ability of critical thinking and the ability to interpret the context of events, as well as a change in the ontological status of technology. Studies in the field of philosophy and ethics of technology have contributed to the emergence of appropriate regulatory frameworks aimed at ensuring the ethical use of technology in accordance with moral principles. This is the only way to form a harmonious interaction between man and technology (technical devices), preserving the values and principles of morality in the information society, helping society to better understand and evaluate ethical challenges in the modern world.

Keywords: technology, morality, value, moral sense, personality, ontological status of technology.

To cite:

Pyrina M.V. [The potential of the moral and the technological in modern philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 5–19 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19>, EDN: ADBOPG

Введение: постановка проблемы

Вопрос о взаимосвязи техники, технологий и формирования нравственного значения ценностей, а также их смысла для каждого человека, поднимался не раз как в научных дискуссиях, так и в общественно-политической сфере. Актуальность темы влияния техники и технологий на человека и его мировоззрение, определение того, что ценно, обусловлено несколькими причинами. Одной из них является стремительное развитие технического потенциала как в научной сфере, так и в обыденной жизни. А другой причиной становится сам человек в качестве

активного пользователя технических устройств, повседневная жизнь которого перестала мыслиться без использования гаджетов как посредников для совершения действия или высказывания. Подобное пересечение техники и нравственных ценностей вызывает интерес для философского осмысления с целью обнаружения содержательных значений ценностей, способности человека осмыслить ситуацию, появления новых смыслов и ценностных ориентаций в условиях стремительного технико-технологического прогресса. Философский анализ соотношения значимости ценностей, их нравственного содержания в информационную эпоху

предполагает целостный взгляд на проблему, что подразумевает краткий обзор исследований, фиксирующих изменение в понимании ценности и техники, и анализ их взаимообусловленного развития на протяжении развития человеческой мысли, а также выявление современного состояния данных явлений.

Проблема заключается в том, что человек с большим трудом находит в себе силы использовать моральные нормы и нравственные принципы, а чаще всего не может этого сделать в изменившихся условиях или среде, поскольку требуется коррекция и усилие для того, чтобы сформулировать норму (правило), оценить ситуацию, соотнести свои нравственные убеждения и условия, в которых он действует. Данное обстоятельство формируется из ряда способностей человека как духовных, так и интеллектуальных, а также того контекста, в котором человек действует. В этом смысле изначально стоит обратиться к краткому описанию феномена техники и фиксации морального аспекта, который закладывает человек, взаимодействуя с техникой.

Взаимосвязь нравственного значения ценностей и техники появляется в тот момент, когда использование устройства предполагает наделение нравственным значением действия или операции с устройством, выступающим как средство для достижения результата. Человек обнаруживает нравственный смысл, взаимодействуя с устройством в качестве средства или посредника, и тем самым формирует или устанавливает нравственные смыслы и правила использования устройства для себя и для других, а также нравственные принципы, которые регулируют новые сферы деятельности. Когда появляется новая сфера деятельности или общения, где задействовано техническое устройство, человек должен перенести содержательное значение моральной нормы на вновь образовавшуюся сферу и тем самым актуализировать значение нормы. Философы XIX–XX вв. К. Маркс, Ж. Элюль, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Э. Агацци, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Фукуяма, Б. Латур, Э.В. Ильенков, А.П. Назаретян и др. выделили проблемы личностного, социально-психологического, нравственного кризиса, подавления волевой и творческой активности человека, способности критического мышления и способности интерпретации контекста событий. Как отмечают исследователи в разных областях —

психологи, философы и социологи, для того, чтобы произошло наделение действия моральным смыслом, должно сложиться множество факторов и условий.

Приведем краткий обзор изменения в понимании техники, связанного с развитием способностей человека, а также проведем параллель с появлением в философии такого предмета изучения, как духовные ценности. Философы заметили, что взаимосвязь техники и способности человека преобразовывать с ее помощью действительность связана с особенностями мышления и речи человека. Обратим внимание, что «каждому человеческому проекту, каждому типу жизни соответствует своя техника» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 210].

Методологические подходы в исследовании техники

Современные философы Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет полагают, что изменения в представлении людей о благополучии и благоустройстве окружающей среды влияют на развитие и усложнение техники, с помощью которой человек способен создать нечто более избыточное по сравнению с минимальными биологическими потребностями. Подобную избыточность не стоит рассматривать только в контексте дополнительного комфорта жизни, но также и в смысле формирования сложной системы нравственных принципов.

Именно человек, определяя проблему, касающуюся технологий, вводит новые термины для ее обозначения и новые «измерения» использования, уровни правил, норм, теорий и т.д., дополняя ценностными смыслами используемые средства. Техническая способность может вырабатываться «...только в таком существе, где ум послушен воображению (но не техническому, а творящему жизненные проекты)» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 210]. Для появления техники необходима способность воображения, а не просто механически повторяемые действия. Кроме того, благодаря способности наделить правильное и точное действие смыслом само мышление не вырождается в механическую функцию повторения, а благодаря слову передается ценностный смысл значимого для человека действия или его результата. Об этом писал Л.С. Выготский, анализируя развитие речи и мышления человека. Он доказывает, что необходимо не просто повторение или подражание

для появления нового понятия «...понятия — значения слов — развиваются, ... научные понятия также развиваются, а не усваиваются в готовом виде...» [Выготский Л.С., 1934, с. 163]. В этом смысле технические объекты сами по себе не создают морального измерения или значения, человек способен сформировать ценностное значение в процессе своего духовно-нравственного развития, когда формируется самостоятельная способность наделять нравственным смыслом действия или поступки, высказывания об объектах или явлениях.

В рамках философского исследования взаимосвязи техники и нравственного значения ценностей выделим два подхода, отличающихся методологическими основаниями и пониманием того, как формируется взаимосвязь между техникой и нравственными смыслами, а также по-разному определяющих онтологический статус данных феноменов. По мысли М. Хайдеггера, акцент в определении техники необходимо сделать на том, что в первую очередь техника представляет собой способность человеческого мышления изобретать новое, а не просто инструмент. В технике важен не инструментальный процесс изготовления орудия, а способность человека раскрыть или реализовать намеченный план, собрав в единый образ готового изделия все средства и способы деятельности. Например, техника для древнегреческих философов была равной знанию в том смысле, что мастер разбирается, ориентируется и имеет ясное представление о предмете, который создает. В этом смысле сущность техники заключалась в раскрытии истинного знания о вещи, которую производили [Хайдеггер М., 1993а]. С этим тезисом согласен Б. Латур, считавший, что «технологии принадлежат миру людей в ином качестве, чем инструментальность, эффективность или материальность» (перевод наш. — М.П.) [Latour B., 2002, p. 248]. Оба философа показывают, что исследование только практических результатов и оценка их значения в деятельности человека не позволяют обнаружить смысловое значение и не дают интерпретировать технику во взаимосвязи с самой сущностью человека, тем самым становится невозможным показать влияние от использования техники (а не самой техники) на человека и изменение его способностей, личностных качеств.

Однако Б. Латур оспаривает тезис М. Хайдеггера о самой причине отсутствия

контроля человеком над техникой, действующей автономно, не из-за ее господства как формы бытия, а из-за того, что техника обретает онтологический статус посредника. Особенностью технических средств становится то, что они обретают невидимость. Латур полагает, что невидимость техники связана с преобразованием/усовершенствованием ее форм: чем больше усовершенствований произведено, тем менее ясным становится первоначальный замысел созданного устройства. Каждая модификация отдаляет пользователя от первоначального намерения, которое было помыслено при создании технического устройства. «Сама сложность устройств, обусловленная множеством сгибаний и переворотов, слоев и обходных путей, компоновок и переупорядочений, навсегда лишает ясности принцип здравого смысла, под эгидой которого впервые были внедрены технологии» (перевод наш. — М.П.) [Latour B., 2002, p. 251]. Так, телефон для современного человека — это не просто средство связи, но еще средство развлечения, средство, с помощью которого совершаются финансовые операции и т.д. Подобное понимание техники ведет к противоположным позициям в определении онтологического статуса техники, что сказывается на решении вопроса о взаимосвязи с моралью.

Онтологический статус техники, по Б. Латуру, выражается в задаче техники обойти или сократить путь для достижения цели, пройдя его не через два последовательных действия, а вклинивая техническое средство между ними. Например, чтобы сообщить информацию, мы могли ранее написать или позвонить, но теперь мы можем записать голосовое сообщение и отправить его, думая, что это будет быстрее, чем ожидать ответ на другой стороне или набирать текст для сообщения. Итак, именно в этот момент зарождается связь с нравственными ценностями, либо их нивелирование. Б. Латур показывает, что разрастание инноваций делает неясным действия и нравственные принципы, их обуславливающие. Техника предполагает изменения и инновации, но не ставит вопрос: для чего это делается? Так закладывается неопределенность использования техники. Именно в этом обнаруживается принципиальное отличие от взгляда М. Хайдеггера на технику и мораль. В своих работах «Вопрос о технике», «Письмо о гуманизме» философ доказывает, что техника — это определенный

способ раскрытия сущего, через свою деятельность человек осуществляет, раскрывает «нечто до полноты его существа, выводит к этой полноте, *producere* — про-из-вести» [Хайдеггер М., 1993b, с. 192]. Иными словами, человек через свою деятельность раскрывает в своей полноте само сущее. Любое высказывание человека или его действие должно быть осмыслено воплощено в действительности. Так, каждое действие, производящее технику или соприкасающееся с техническим устройством, должно нести в себе смысл заботы, понимаемой как «исходная составляющая человеческого бытия-в-мире» [Хайдеггер М., 1993b, с. 418]. Иначе можно сформулировать мысль таким образом: воспитание нравственных качеств — необходимое условие для использования техники в целях созидания и сохранения благополучия на Земле при ее исследовании. Смысл показывает то, ради чего создано техническое устройство. Главной же задачей человека является забота о сохранении истинного предназначения (в том числе техники).

Можно сказать, что оба мыслителя указывают на функцию морали — сохранения смысла и цели используемого устройства, тогда как техника становится средством, направленным не на сохранение, а на изменение или инновацию. В этом смысле, по утверждению Б. Латура, мораль вступает в конфликт со стремлением технологий к модификации. Для М. Хайдеггера же хоть человек и заброшен в мир объектов, однако не обретает из-за этого пассивную роль наблюдателя за тем, как технические средства открывают новые миры, тогда как Латур, исходя из своей методологической установки, постулирует, что технические устройства создают новые миры, формируют социальные практики и моральные нормы. Для французского философа человек оказывается перед лицом технологий как посредник, каждый раз привносящий изменения первоначального намерения в достижении определенной цели. Именно в момент использования технологического устройства человек действует не напрямую для достижения цели, а через посредника. Здесь меняется цель за счет ослабления воли человека совершить интеллектуальное усилие помыслить или описать технические действия в нравственных категориях. Технологии создают второстепенные процессы, новые связи, вытесняя основную суть процесса,

тогда как моральные принципы направлены на сохранение истинной сущности и цели.

Вариант компромисса в решении вопроса о взаимосвязи техники и нравственного значения ценностей представлен в работе итальянского философа Э. Агацци «Моральное измерение науки и техники». Он предлагает выделить основные отличительные особенности науки и техники для обнаружения их морального измерения. Прежде всего, сущность науки в открытии истины, тогда как сущность техники — в создании полезного. Далее целью науки является познание, а техники — делание или изготовление, следовательно, функция науки — это приобретение знания, а техники — выполнение процедур по изготовлению продуктов. Автор называет характерными качествами науки объективность и строгость, тогда как техника обладает качествами эффективного действия в соответствии с установленными правилами, необходимыми для достижения практического результата. Наука стремится ответить на вопрос «почему», найти объяснение причин, техника же отвечает на вопрос «как». По мнению Агацци, технология занимает положение между наукой и техникой, поскольку решает для науки познавательные проблемы через проектирование и конструирование, одновременно являясь частью техники в связи с прикладным характером применяемых операций. Ее целью является извлечение прибыли, безразличие к тому, что именно производится, задачей становится использование любой возможности для достижения цели [Агацци Э., 1998]. Интерес представляет его идея о том, что моральные суждения должны относиться именно к технологии, однако они не должны быть практико-ориентированными должностными инструкциями. Данный тезис автор выводит из идеи о том, что технологии помогают достичь цели, но не конституировать их. При этом формулирование и выбор целей является фундаментальной проблемой человеческого существования, совпадающей с проблемой смысла жизни. Так, философ выходит на онтологическую проблематику: размышление о ценностях и целях выводят человека к ответу на вопрос о смысле жизни, о целостности бытия. Э. Агацци полагает, что изменения носят онтологический характер в связи с тем, что происходят комплексные преобразования во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности человека. Причину он

усматривает в устранении субъекта от ответственности, установления содержательного значения свободы, добра, долга, отказа от недостижимых онтологических целей, ставя перед собой достижимые цели с помощью доступной технологии. Использование технологии позволяет облегчить человеку конкретные операции с объектами, однако обедняются способности человека, а из-за доступности вещей снижается их ценность.

Для оценки справедливого определения взаимосвязи техники и нравственности проследим появление данных феноменов в истории человеческого развития и рассмотрим, воздействует ли техника на нравственность. Также нас будут интересовать вопросы: как воздействует нравственность на использование технического устройства? Как использовать технику для того, чтобы не исказить цели и ценности, а использовать для сохранения и созидания?

Анализ истории техники

Для анализа техники и нравственного значения ценностей будем опираться на основные стадии развития техники. Так, на стадии *первобытной техники* основной чертой технического действия является его соприродность, т.е. действие является продолжением или частью природных актов. Отсюда техническое действие не воспринимается человеком как самостоятельная деятельность и носит неопределенный характер, поскольку выступает результатом случайной комбинации обстоятельств, здесь отсутствует осмысленное целенаправленное действие. Человек «явственно видит: природа, словно по волшебству, поведала ему одну из сокровенных тайн... Все виды первобытной техники изначально окружены чудесным ореолом, являясь в глазах дикаря ровно в той мере техникой, в какой последняя наделена волшебными атрибутами» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 215]. Человек воспринимал технику как нечто волшебное, дар божеств, природы, или чудо, исходя из сформированных на тот момент мышления и способностей.

Перейдем к рассмотрению процесса развития самого мышления. В работах Л. Мамфорда делается попытка осмысления появления техники во взаимосвязи с культурными формами человеческой деятельности. Благодаря культурным формам человеческой деятельности развивается и закрепляется ряд навыков, при-

менение которых подготавливает человека к выполнению более сложных действий и в последствии ведет к появлению техники. По мысли Л. Мамфорда, одним из решающих факторов в процессе формирования техники являлся ритуал. Дело в том, что посредством ритуала запреты, правила и ограничения вырабатывают привычку контролировать свое поведение «строгая дисциплина, присущая ритуалу, и строгие нравственные ограничения, предписываемые табу, оказались чрезвычайно важны для формирования самоконтроля у человека, а потому и способствовали его культурной деятельности во всех областях» [Мамфорд Л., 2001, с. 100]. В этом смысле через дисциплину и повторение человек развивается, сопоставляя свое действие с окружающей средой. Исследователь полагает, что само тело человека выступало своеобразным орудием: «Он может копать, царапать ногтями, колотить кулаками, перекручивать волокна, прядь нити, ткать, завязывать узлы, сооружать укрытия из сучьев и листьев, плести корзины, делать горшки, лепить из глины, очищать плоды, раскалывать ореховую скорлупу, разрывать зубами волокна или нити, размягчать шкуры жеванием, давить босыми ногами виноград» [Мамфорд Л., 2001, с. 138]. С одной стороны, дисциплина, а с другой стороны, подражание и повторение в ритуале позволили человеку обрести контроль над инстинктами и иррациональными началами и позволили достичь определенного порядка в деятельности и получению конкретного результата или продукта. Исследуя взаимосвязь техники и ритуала, Р. Брейдвуд приходит к выводу, что «стандартизация прослеживается в довольно ранней палеолитической культуре в изготовлении орудий. Когда была найдена удобная форма топора, ее воспроизводили снова и снова, не меняя без причины. ... Не будь этой строгой стандартизации, не будь этого упора на магическую точность, первые слова человека могли бы просто испариться, не оставив ни следа, еще задолго до изобретения письменности» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 121]). Повторяемые действия в ритуале помогли достичь самоконтроля, затем укоренившегося в нравственном аспекте дисциплины.

Кроме правил ритуала, закрепление порядка через повторение и подражание происходило и в речи: «Без словесного оформления субъективного опыта и этических норм самосознание

неполно, как неполны и самопознание, и самоконтроль» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 121]). Для данного исторического периода необходимыми качествами развития языка и приспособления к окружающей среде являлись узнавание, способность определять отличительные признаки, различать, способность выделять причины явлений и вещей [Мамфорд Л., 2001], обучение, запоминание, находчивость и любознательность, умение распознавать формы, оценивать абстрактно мыслить, догадываться о причинах вещей¹. Со временем данные способности закрепились за отдельными культурными формами, например в графическом искусстве, строительстве, общественном строе, нравственных нормах и кодифицированном праве, в то время как способность к точности проявилась позже в науке и технике.

На следующем этапе появляется ремесленная техника, с царств Египта, Месопотамии до древнегреческого и древнеримского (доимператорский Рим) общества. Все же техника в этот период не имела первостепенное значение и не являлась условием для обеспечения всех процессов жизнедеятельности человека. Увеличивается разнообразие типов технических действий, изготавливаются орудия производства. Следовательно, природное начало сосуществует в определенной гармонии с техническим, при котором природное начало не вытесняется из самого существа человека. Появляется специализация среди населения — ремесленники, «отлично владеющие своеобразным набором действий, которые при этом не являются общими и естественными для каждого» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 218]. Передача знаний осуществляется через норму и правило, закрепленные в традиции, стремление к инновации отсутствует. Новизна не является самоцелью, а становится вариацией «в рамках одного стиля. И поскольку стили того или иного мастера передаются в виде школ, они всецело отвечают строгому характеру традиции» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 219]. Соответствующие из-

менения в развитии техники связаны с изменениями, произошедшими в мышлении человека. Благодаря опоре на отвлеченный порядок, измерение, счет, систему записей, стандартизацию, точность, использование принципа подобия человек смог осуществить перенос изменившегося способа мышления на «внешние» виды человеческой деятельности, выражающиеся в практической пользе.

На наш взгляд, исследование развития техники и технологии должно включать и рассмотрение социально-культурного развития в соответствующий исторический период. С появлением института царской власти, объединившего в себе многообразные функции различных божеств, произошли социальные изменения. Например, появляется вертикаль власти, транслирующая космический порядок, устанавливающая свод правил и контролирующая исполнение приказов. Вторым необходимым источником для развития техники стало жреческое знание и появление письменности. Указанные факторы позволили создать новый вид техники — мегамашину, включавшую тысячи работников, занятых на возведении храмовых комплексов, каналов и др. Л. Мамфорд указывает, что «для работы машины были необходимы два фактора: надежная организация знаний о вещах как естественных, так и сверхъестественных, — и тщательно разработанный порядок, позволявший отдавать приказы, выполнять их и следовать им. Ответственность за первый фактор лежала на жрецах, без чьей активной помощи сам институт царской власти просто не сложился бы; второе же условие обеспечивали чиновники» [Мамфорд Л., 2001, с. 262]. Профессиональная специализация появляется тогда, когда целью становится предельная точность и совершенство результата. В то же время «у рабочих, воплощавших все эти замыслы, тоже развилось мышление нового порядка — механически обусловленное, исполнявшее каждое задание в строжайшем соответствии с инструкциями, безгранично терпеливое, ограничивавшее реактивность лишь повиновением словам приказа» [Мамфорд Л., 2001, с. 260]. В результате у рабочего не формируется личная инициатива и ответственность, отсутствует интеллектуальное и психологическоеощереение за выполненную работу, а также стремление довести работу до эстетического идеала. Обратим внимание на фигуру Сократа, очень точно сформулировавшего ошибочность

¹ Эдгар Андерсен в работе «Растения, человек и жизнь» показал, что «существует пять естественных источников кофеина: чай, кофе, кола, какао, а также мате и его родственники. Древний человек обнаружил все пять растений и понял, что они снимают усталость. Биохимические исследования не добавили ни одного нового источника к уже известным...» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 182]).

отождествления техники и технической деятельности непосредственно с природными (физическими) началами человека, к примеру, с развитой ловкостью. Техника, будучи совокупностью практических действий, должна быть теоретически осознанна. Созерцательное начало и стремление к умозрительному познанию направляли человека на понимание объектов природы и включения своей жизни и созданных предметов в эту природную реальность.

Таким образом, техника превратилась в самостоятельный феномен, независимый от человеческой природы в ее изначальном проявлении. Подобное отождествление было характерно для предыдущего исторического этапа. Техника и техническая деятельность стали пониматься как интеллектуальная (духовная) способность человека, как нечто сверхприродное, присущее исключительно человеку как некий талант или дар. В этом смысле техника понимается как искусство или знания ремесленника. И именно в связи с этим Сократ требовательно относится к профессионализму и стремлению довести свои знания до совершенства, иными словами, познать истину в своем деле, тем самым проявить духовные и нравственные качества. Так, технический труд стал включать в себя нравственный аспект, стал соотноситься с ценностью знаний и достижением совершенства.

Следующим этапом развития техники историки философии и техники выделяют рубеж 100 г. до н.э. – 1500 г. н.э., когда человек стал осознавать возможность раскрытия с помощью техники безграничного источника своей деятельности. Несмотря на то, что в этот период технический прогресс замедляется, однако, понимая под техникой не только орудия, инструменты, машины и автоматы, обнаруживается совершенствование техники через искусство: архитектурные сооружения, скульптуру, музыку, графическое искусство. В этом смысле Л. Мамфорд выделяет древнегреческое изобретение — водяную мельницу: «...механический перводвигатель в его чистой форме — без применения даже животной силы — стал греческим изобретением; это была первая успешная попытка вытеснить коллективную человеческую машину как источник энергии для производительного труда» [Мамфорд Л., 2001, с. 323]. Иные изобретения, относящиеся к I в. до н.э., были сделаны в стеклодувном деле — стеклянные окна, описанные Сенекой, а также

хирургические приборы. Избыточность техники, о которой речь шла ранее, и заключается в возможности для человека благодаря использованию технических средств освободить свои силы и время «всецело быть самим собой» [Мамфорд Л., 2001].

Далее обратимся к основным чертам техники, характерным для Средних веков. Широкое распространение техника получила при монастырях, где окончательно укоренилось понимание нравственного начала, проявляющегося в труде человека. Физический труд воспринимался не механически, а обязательным условием было чередование разных видов деятельности: возделывание земли, уход за огородом, молитва, чтение или переписывание рукописей, уборка монастырских территорий, ремесленное дело, конструирование или сборка технических устройств, в том числе для обеспечения монастыря водой. В дальнейшем техника и технологии видоизменяются по пути обособления от биологических, физиологических особенностей человека. Развивается техника не как орудие, приспособленное к человеческому телу и пригодное для манипуляций, а как машина-автомат, которая работает автономно от тела человека, изготавливает изделие как бы самостоятельно.

Определив технику как то, что сначала создает проект, образ, способ действия, а затем реализует намеченный проект, как Хайдеггер, так и Ортега-и-Гассет выделяют негативный аспект проблемы развития техники. Он заключается в том, что техника представляет собой пустую форму как некоторую возможность реализации намеченного. Техника сама по себе не способна определять или формировать содержание жизни человека. Б. Латур же полагает, что техника способна создавать новые миры [Латур Б., 2013]. Однако мы не согласимся с этим утверждением, поскольку именно интеллектуальные и творческие способности позволяют человеку каждый раз находить новые способы и области применения техники, а также наделять нравственным смыслом поступки и высказывания. В этой связи время технического прогресса является наиболее бессодержательным, пустым в смысле духовного развития человека. Ставя технику на место человека и заменяя ею роль человека, последний теряет возможность выбора между природным и сверхприродным, теряет возможность наделяния смыслом своих действий.

Вопрос о смысловой бессодержательности эпохи технического прогресса поднимал Ф. Фукуяма. Он полагал, что развитие технологий XX в. в медицине, генетике заставили исследователей задуматься о социальном эффекте изобретений и научных экспериментов, а вместе с тем поднять вопрос о том, что обуславливает человеческое поведение: природные, генетические или же социальные факторы? Автор приходит к заключению, что если рассматривать генетику человека как причину его поведения и морального выбора, то многие люди «с удовольствием снимут с себя личную ответственность за собственные действия» [Фукуяма Ф., 2004, с. 76]. Однако указывать социальные факторы в качестве причины поступков также не следует, поскольку социально приемлемое поведение сводится к политически корректному поведению, что низводит духовно-нравственный аспект. Дело в том, что критерием биотехнологий становится успешность жизни, а не ответственность за нее. Технология упрощает и сужает цели до технических действий, которые экономически выгодны. Ф. Фукуяма констатирует упрощение самого содержания вопроса о моральном выборе человека в современном обществе. Автор замечает, что перестали рассматриваться нематериальные ценности, такие как достоинство, моральная самостоятельность личности, ранее относящиеся к вопросу морального выбора. Фукуяма предполагает, что причина этого кроется в отсутствии поставленных нравственных целей и задач духовного самосовершенствования в современном обществе, которые были заменены количественными показателями успешности жизни индивида. По мысли философа, сложная и гибкая природа человека находится во взаимодействии с разными природными и технологическими средами. Именно природа человека дает способность приобретать добродетели, которые закрепляются через привычку и совершенствуются, а ценности позволяют совершать коллективные действия. Как писал М. Хайдеггер, техника сливается с природным ландшафтом таким образом, что человек не замечает искусственность техники, не замечает тот зазор, который занимает техника, то «место между» человеком и природой. Это имеет серьезные последствия в восприятии мира человеком, которые будут описаны ниже. Изменив природу человека, сведя ее к технико-

технологической модификации, человек утрачивает способность самостоятельного морального выбора, проявления своей свободы воли. Технологии не просто упрощают использование предметов и зауживают цели развития лишь в рамках технологического прогресса, но не способствуют развитию нравственных качеств, обесценивают сложную кропотливую работу и усердие, присущие мастеру, смещая акцент на выгоду, скорость производства и стоимость товара, а не ценность. Тем самым утрачивается онтологическая целостность личности, которая более не стремится гармонично вписать себя в природную реальность.

Для данного периода основным становится метод анализа: «...новый техницизм разлагает цельный результат — единственно-изначально желанный — на частичные, из которых он рождается в процесс генезиса, и, следовательно, на его “причины” или составляющие» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 228]. Также ему присуща опора на разум как универсальный способ достижения истины: «...истина устанавливается посредством согласования двух независимых инстанций, каждая из которых не позволяет себя подкупить другой. Таковыми являются чистое априорное мышление рациональной механики и чистое созерцание предметов своими глазами — анализ и эксперимент» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 230]. Экспериментальные методы естественнонаучного знания и точные математические расчеты позволили сформировать представление об объекте исследования, а также извлекать, перерабатывать, накапливать, распределять, преобразовывать, управлять и контролировать его. Природа теперь предстает как система сил, выраженная в виде информационных данных «об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний» [Хайдеггер М., 1993а, с. 231], тогда как техника позволяет раскрыть истину об объекте и управляет собственными процессами производства объектов. «Мощь, скорость, движение, стандартизация, массовое производство, количественное измерение, регламентация, точность, единообразие, астрономическая правильность, контроль, прежде всего контроль, — все эти понятия стали ключевыми паролками современного общества, живущего по законам нового западного стиля» [Мамфорд Л., 2001, с. 381]. Характерными чертами данного этапа

развития техники становятся управление и обеспечение поставки партий продуктов. Техника видоизменяется в поставляющее (продукты/товары) производство. М. Хайдеггер указывает на процесс отдаления человека от природы за счет поставляющего производства. Человек попадает в положение захваченного или окруженного техникой, его как бы окаймляет сфера технического, о чем говорилось выше. В связи с этим складывается впечатление, что человек постепенно уходит на второй план, т.е. становится зависимым от техники. Технология, по мысли Э. Агацци, становится образом жизни, мышления и общения. Итальянский философ показывает за счет чего это происходит. Во-первых, наука стремилась выработать строгие и универсальные методы познания, применимые для всех областей. Так, «сфера морали, вместе с метафизическими концепциями, была передана в ведение внутреннего убеждения, т.е. в область субъективных суждений и мнений, которые не могут получить объективного обоснования» [Агацци Э., 1998, с. 95]. Однако сферы внутреннего или сверх чувственного утратили критерии объективности и достоверности, т.к. средствами науки невозможно было установить их истинность. В сфере морали попытка объяснить и описать понятия добра и зла, долга, достоинства и другие нравственные ценности в итоге была сведена к формулированию технических инструкций, регламентирующих поведение, но лишенных этического содержания, тогда как нормы морали должны быть связаны содержательно с ценностями посредством логического обоснования, а каждый человек должен обладать способностями воспринимать нормы и ценности. Во-вторых, «нравственно предосудительное поведение стали отождествлять с тем, что считается социально девиантным относительно определенных господствующих, но случайных моделей, установленных данным сообществом (и это не могло способствовать укреплению моральной обязательности)» [Агацци Э., 1998, с. 95], тем самым лишив сферу морально значимого абсолютного и священного признака. В-третьих, человек, соизмеряющий свои действия лишь с инструкцией, не вырабатывает навык теоретического осмысления своих поступков и соотнесения их с идеальной моделью или благом как целью, утрачивая онтологическую составляющую.

Отсюда возникает две проблемы. Первая: ложное представление, что человека окружает только то, что он сам произвел или сконструировал, повсюду человек сталкивается с другим и его деятельностью. «Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам» [Хайдеггер М., 1993а, с. 233]. Вторая проблема заключается в том, что человек, погруженный в поставляющее производство, не может воспринимать иные способы создания объектов или творчества. Первая проблема ведет к потере своего духовного мира: человек не может обнаружить свою сущность, не может обратиться к самому себе, а когда сталкивается со своей сутью, испытывает страх, отвращение и тревогу. Вторая проблема приводит к тому, что производство заменяется производством, теряя поэтическое в качестве одного из способов познания истины. Производство, как и искусство, воспринимается в связи с техническими средствами. Хайдеггер в своих работах оставляет предостережение об опасности техники не в смысле ее использования, а в том, что «человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [Хайдеггер М., 1993а, с. 234]. Решение проблемы взаимодействия человека с техникой ему видится в возвращении способности обнаружить высшее достоинство своего существа и действовать из состояния уважения ко всему живому. Другими словами, необходимо использовать технику для обеспечения и сохранения благополучия на Земле при ее исследовании, поиске истины, развитию творческого начала человека и его способности созидать и сохранять ценности, а не участия в гонке производства услуг и товаров потребления. Возможность позволить себе пользоваться высокотехнологичными устройствами на работе и в быту давно стала ассоциироваться со свободой. Однако истинная свобода человека связана с осознанием своей роли, а именно с осознанием своей ответственности за создание и использование техники.

Обсуждение

По сути, сегодня мы становимся свидетелями, а самое главное — непосредственными участниками преобразования данных категорий. Современный человек не столько стремится гос-

подствовать над природой, «отделиться от органической среды» [Мамфорд Л., 2001, с. 9]. Технологии разрабатываются таким образом, чтобы заменить способности самостоятельного активного действия человека, вытесняя первоначальную цель — раскрытия истины и развития своих способностей через самостоятельную деятельность. Подобная замена приводит к проблеме утраты самостоятельного развития способностей человеком, кроме того, ограничения выстраиваются в пользу обезличенной структуры. Анализ особенностей взаимодействия человека и техники позволил отечественному мыслителю Э.В. Ильенкову заключить, что проблема стала носить социальный характер [Арсеньев А.С. и др., 1966, с. 279]. На предыдущих этапах развития техники проблема «человек – техника» выстраивалась в пределах природного и культурного целого. Увеличение технологического производства привело к появлению у общества ключевой черты, которой становится *изменчивость* всех процессов. Однако изменяется не только количество производимого, но и качество товаров, услуг и, самое важное, качество социальных связей за счет изменения в стратегии управления организациями, изменений в образовательном процессе, изменения в познании, в потреблении продуктов и информации. Философы, психологи, социологи выделяют ключевое понятие в качестве признака для описания современного общества — «временный», в связи с возникновением «адаптивных, быстро меняющихся временных систем...». Окружающая действительность более не является стабильной [Тоффлер Э., 2002, с. 165–166]. Другими яркими чертами современного общества являются высокая изменчивость, которая выражается в ускорении связей, коммуникации, отсутствии привязанности в отношении к вещам, местам, людям; ускорение передачи информации и увеличение потребления информации. Высокая изменчивость содержит в себе опасность вследствие ускорения событийного потока, быстрой передачи информации, новостей, темпа жизни, высокой степени мобильности. Так, в социальной сфере связи между людьми становятся непостоянными — более текучими, что ведет к высокой степени адаптации у человека. Выполнение текущих задач сотрудниками в современных организациях зачастую предполага-

ет совместную работу специалистов разных профессий, имеющих разные навыки и знания, поэтому требуются высокий уровень профессиональной подготовки, творческий подход и коммуникабельность. Развиваются сильные и быстрые связи, которые эффективны на короткий промежуток времени для решения текущей задачи. Обратная сторона этой ситуации заключается в том, что человеку необходимо научиться спокойно и стойко переносить потерю или ослабление контакта с людьми по завершении проекта. Использование технологий и специализированных ИТ-продуктов для выполнения рутинных задач, ускорение темпа жизни, освобождает ресурсы сотрудника (или целой организации) для решения творческих задач, обучения новым навыкам и ответственности за принятое решение.

Философы указывают, что изменения, произошедшие на всех уровнях, приводят к переосмотру человеком внутреннего образа реальности. При быстрой смене событий, новостей, людей, обсуждаемых тем и персонажей сменяются не только сами объекты, но и образы, а также их структура, скорость их формирования и разрушения. «Наши взаимоотношения с образами, являющимися отражением реальности и основой, на которой мы строим свое поведение, становятся все более и более краткосрочными, преходящими» [Тоффлер Э., 2002, с. 178]. Особенность формирования образа в современной действительности заключается в том, что человек конструирует систему образов, используя информацию из сообщений, созданных другим человеком, но не использует свой собственный опыт, личные наблюдения и знания, не проверяет источник и не опирается на факты. Ускорившийся темп смены информации влияет на способность человека оценить информацию, отобрать и проанализировать ее, выделить критерии реального и иллюзорного, реконструировать самостоятельно и применить в своей деятельности без помощи технического устройства. Увеличение потока информации и стремление человека обработать большое количество образов влияет на психическую устойчивость и нервную систему человека. Переизбыток «потребления информации» приводит к нервному и психическому истощению, усталости, тревоге, депрессии. Основным для современного человека становится навык обработки большого

объема информации, а также умение остановиться для принятия самостоятельного разумного выбора при решении поставленной задачи. Отсюда приоритетом является контроль, управление и интерпретация информации.

Благодаря развитию современной науки и техники выработаны принципы стандартизации жизни и критерии совершения выбора. Обстоятельства беспрестанной изменчивости, разнообразия, неограниченности выбора приводят человека в состояние ступора от невозможности совершить конкретный выбор. Э. Тоффлер определял это состояние парализованности от обилия выбора «сверхвыбором». При выборе товара или услуги человек вынужден прибегать к добавлению дополнительных критериев. Иными словами, человек выбирает не сам товар, а миссию компании, образ жизни, стиль, с которым ассоциирует себя и свою собственную жизнь. В способ самоидентификации человека включается образ и стиль жизни, ценности, а также внешние формы проявления. На сегодняшний день одним из ключевых вопросов становится вопрос о системе ценностей и их изменчивости.

Человек, живущий в наши дни, был свидетелем смены нескольких систем ценностей. Однако, по словам Э. Тоффлера, «нет никаких доказательств того, что ценностные системы высокоразвитых технологических обществ могут вернуться к “устойчивому” состоянию» [Тоффлер Э., 2002, с. 330]. Определение системы ценностей и формирование ценностной ориентации связаны с проблемой выбора в связи с необходимостью оценить свое поведение, изучить себя и происходящие события, сосредоточиться на себе, остановившись для принятия решения. В конечном счете осознание человеком ценности жизни, здоровья, ценности своих близких и осознание себя происходит при принятии решения, в момент возможности критически осмыслить себя и свои действия, когда человек способен услышать голос своей совести, выработать ценностные ориентации, определив проблему в нравственных терминах. Техника же предлагает готовые варианты, а свободное время тратится на выбор товаров и услуг, а не на основную задачу духовного развития человека. На наш взгляд, разрушение системы ценностей обусловлено потерей человеком в каждом конкретном случае способности

самостоятельно определить правило или норму поведения, а также потерей в обществе идеала, который соответствует нравственным принципам. Приведем слова Э. Агацци: вместе с исчезновением усердия в получении уникального продукта «...исчезает целый комплекс способностей, умений, навыков, умственных и даже эмоциональных установок, а также связанные с ними человеческие отношения» [Агацци Э., 1998, с. 97].

Ускорение темпа жизни, постоянная обработка информационного потока значительно притупляют критическую оценку действий, способность к рефлексии в момент принятия решения. Подобное противоречие возникает из-за ускорения темпа жизни и отсутствия времени для принятия решения вновь возникшей информации. «Неопровержимо доказано, что разнообразие выбора, стоящего перед личностью одновременно, увеличивает количество информации, которое необходимо проанализировать для принятия решений. Лабораторные тесты над людьми и животными также свидетельствуют, что чем больше выбора, тем меньше время реакции» [Broadbent D.E., 1965, p. 460] (цит. по: [Тоффлер Э., 2002, с. 390]). Отсюда можно сделать вывод о существующей закономерности: если отводить больше времени для принятия решения, больше альтернативных вариантов будет найдено индивидом, будет предложено больше творческих решений.

Исследование, проведенное отечественным ученым А.П. Назаретяном, демонстрирует закономерность между тремя переменными: технологический потенциал, внутренняя устойчивость общества и качество регуляторов поведения. Анализ антропогенных катастроф и кризисов позволил ему выдвинуть гипотезу техногуманитарного баланса — чем быстрее и сложнее развитие технологий, тем серьезней должны быть теоретические и фундаментальные исследования в области этики, морали, нравственных ценностей. Закон техногуманитарного баланса гласит, что чем выше мощь боевых и производственных технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества [Назаретян А.П., 2008, с. 152]. На каждом этапе развития технологий появляются нормы, регулирующие поведение человека, формируя с помощью морали и культуры волю, критическое мышление, творческий

потенциал человека для устойчивого развития всего общества. С возрастающей сложностью технологий, высоким качеством должны обладать и регуляторные механизмы, упорядочивающие поведение индивида в социуме, играющие системо-сохраняющую роль качества духовной культуры, человеческого сознания и воли [Назаретян А.П., 2014, с. 103]. Подобный вывод можно обнаружить у Латура, утверждавшего, что усиление роли морали как регулятивного механизма, направленного на защиту общества от разработки опасных технологий и экспериментов над геномом человека, может и вовсе сократить и даже остановить развитие научных исследований. Следовательно, необходим баланс между технико-технологическим развитием ради эффективности и выгоды и моральным сдерживанием научных исследований. С точки зрения онтологии рассматриваемая проблема заключается не в изменчивости и не в скорости изменений, а в способности человека сформировать целостный образ происходящего вокруг него. Человек теряет способность удержать собственное Я в онтологической целостности. По утверждению Э. Тоффлера, суть проблемы не в отношении человека и техники и не в поиске научного решения, а в навыке человека осознанно и разумно контролировать процессы, в том числе поток информации [Тоффлер Э., 2002].

Кроме того, исследователи выделяют изменения в способе использования техники. Само по себе использование техники не является причиной неспособности исполнить нормы морали или элементарные правила поведения в обществе. Другое дело, когда в одном техническом устройстве объединены все виды деятельности — от профессиональной до бытовой и досуговой. В результате происходит смешение стилей общения и поведения. Выполняя текущие профессиональные задачи, сотрудник использует гаджет для личных целей, не связанных с трудовыми обязанностями. Указанный феномен получил название киберлафтинг — данный термин характеризует формы поведения сотрудников офиса, использующих гаджеты на рабочем месте для посещения сайтов, не связанных с работой, или проверки личной электронной почты [Lim V.K.G., 2002], а также общение в социальных сетях, онлайн- и офлайн-игры, просмотр видео, загрузка игр, приложений, музыки, совершение покупок в интернете и многое

другое [Сиврикова Н.В., Шевченко А.А., 2022]. Следовательно, средство связи постепенно объединяет в себе весь опыт пользователя. Интересной темой для отдельного онто-гносеологического исследования может стать анализ отсутствия пространственного и временного разграничения для разных сфер. Отсюда быстрая смена внимания с одного объекта на другой, индивид не успевает скорректировать свое поведение и не осознает границы в общении в виртуальном пространстве и в общественных местах. В работах Л. Мамфорда представлена точка зрения о взаимосвязи роста технического прогресса и снижения уровня нравственности. Формирование личности человека происходит в процессе образования связи между конкретным действием или высказыванием и нравственным идеалом. Меняется не только стиль общения; исследователи указывают на возникновение «проблем соматического и эмоционального характера, дефекты формирования когнитивной сферы и поведенческие девиации» [Власова Н.В., 2022, с. 307]. На закрепление навыка применения элементарных правил поведения влияет снижение общения индивида с другими людьми лицом к лицу в реальной жизни. Кроме того, не вырабатывается навык сдержанности, умения восстановить отношения после негативных эмоций от общения, что ведет к одиночеству, замкнутости, непринятия себя и других, конфликтности. Всестороннее развитие личности способствует разрешению данной проблемы. Следовательно, важной задачей становится актуализация и конкретизация правил поведения как в виртуальном пространстве, так и в общественных местах.

Заключение

Таким образом, аксиологическая проблематика остается актуальной в современной действительности как с содержательной точки зрения, так и с методологической, поскольку появление новых сфер человеческой деятельности, динамичное развитие научного знания, накапливающего опыт практической деятельности и огромного массива новой информации, требует своего осмысления и структурирования ценностных смыслов и значений, в том числе определения ключевых терминов, их смыслового содержания, а также выделения ценностно значимых объектов современной действительности, действий и поступков человека.

Список литературы

Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / пер. с англ. И. Борисовой; науч. ред. В. Лекторский. М.: Моск. философский фонд, 1998. 344 с.

Арсеньев А.С., Ильенков Э.В., Давыдов В.В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука: Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики (7–9 апреля 1965 г.) / отв. ред. Ф.В. Константинов. М.: Наука, 1966. С. 263–284.

Власова Н.В. Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества и склонности к интернет-зависимости в подростковом возрасте // Общение в эпоху конвергенции технологий: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Л. Карпова и др. М.: ФГБНУ «ПИ РАО», 2022. С. 306–309. DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-306-309>. EDN: BUOMOV

Вygотский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования / под ред. В. Колбановского. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 326 с.

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 408 с.

Назаретян А.П. Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2014. Т. 1, № 2. С. 98–105. EDN: TWCYKR

Назаретян А.П. Культурные предпосылки социальной устойчивости: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гуманит. ун-та профсоюзов, 2008. С. 151–152.

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / пер. с исп. А.Б. Матвеева // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 164–232.

Сиврикова Н.В., Шевченко А.А. Взаимосвязь киберлафинга и особенностей медиапотребления у подростков // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15, № 1. С. 16–25. EDN: WXXFXR

Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е.Г. Рудневой и др. М.: АСТ, 2002. 560 с.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Люкс, 2004. 352 с.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Broadbent D.E. Information processing in the nervous system // Science. 1965. Vol. 150, iss. 3695. P. 457–462. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.150.3695.457>. EDN: IDBGND

Latour B. Morality and technology: the end of the means / transl. by C. Venn // Theory Culture & Society. 2002. Vol. 19, no. 5/6. P. 247–260. DOI: <http://doi.org/10.1177/026327602761899246>

Lim V.K.G. The IT way of loafing on the job: Cyberloafing, neutralizing and organizational justice // Journal of Organizational Behavior. 2002. Vol. 23, iss. 5. P. 675–694. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.161>. EDN: DVUCUL

References

Agazzi, E. (1998). *Moral'noe izmerenie nauki i tekhniki* [Right, wrong and science: The ethical dimensions of the techno-scientific enterprise]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond Publ., 344 p.

Arsen'ev, A.S., Il'enkov, E.V. and Davydov, V.V. (1966). [Machine and man, cybernetics and philosophy]. *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka: Materialy Soveshchaniya po sovremennym problemam materialisticheskoy dialektiki* (7–9 aprelya 1965 g.), отв. red. F.V. Konstantinov [F.V. Konstantinov (ed.) Lenin's theory of reflection and modern science: Proceedings of the Conference on Contemporary Problems of Materialistic Dialectics (April 7–9, 1965)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 263–284.

Broadbent, D.E. (1965). Information processing in the nervous system. *Science*. Vol. 150, iss. 3695, pp. 457–462. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.150.3695.457>

Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchlovecheskoe buduschee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutssii* [Our posthuman future consequences of the biotechnology revolution]. Moscow: AST Publ., Lyuks Publ., 352 p.

Heidegger, M. (1993). [Letter on humanism]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*

[Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 192–220.

Heidegger, M. (1993). [The question concerning technology]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238.

Latour, B. (2002). Morality and technology: the end of the mean, transl. by C. Venn. *Theory Culture & Society*. Vol. 19, no. 5/6, pp. 247–260. DOI: <http://doi.org/10.1177/026327602761899246>

Latour, B. (2013). *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obschestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: European University Publ., 414 p.

Lim, V.K.G. (2002). The IT way of loafing on the job: Cyberloafing, neutralizing and organizational justice. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 23, iss. 5, pp. 675–694. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.161>

Mamford, L. (2001). *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The myth of the machine. Technics and human development]. Moscow: Logos Publ., 408 p.

Nazaretyan, A.P. (2008). [Cultural prerequisites of social sustainability: the hypothesis of the techno-humanitarian balance]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: VIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, Sankt-Petersburg, 22–23 maya 2008 g.* [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: VIII International Likhachev Scientific

Readings, Saint Petersburg, May 22–23, 2008]. St. Petersburg: SPbUHSS Publ., pp. 151–152.

Nazaretyan, A.P. (2014). [The educational potential of synergetics: hypothesis of techno and humanitarian balance]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. Vol. 1, no. 2, pp. 98–105.

Ortega y Gasset, J. (1997). [Thoughts about technology]. *Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannyye trudy* [Ortega y Gasset J. Selected Works]. Moscow: Ves' Mir Publ., pp. 164–232.

Sivrikova, N.V. and Shevchenko, A.A. (2022). [Relationship between cyberloafing and media consumption in adolescents]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology]. Vol. 15, no. 1, pp. 16–25.

Toffler, E. (2002). *Shok buduschego* [Future shock]. Moscow: AST Publ., 560 p.

Vlasova, N.V. (2022). [The correlation between the subjective feeling of loneliness and Internet addiction vulnerability in adolescence]. *Obschenie v epokhu konvergensii tekhnologii: Sbornik nauchnykh trudov, otv. red. N.L. Karpova i dr.* [N.L. Karpova et al. (eds.) Communication in the era of technological convergence: Collection of scientific papers]. Moscow: FSC PMR Publ., pp. 306–309. DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-306-309>

Vygotsky, L.S. (1934). *Myslenie i rech'*. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological research]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 326 p.

Об авторе

Пырина Мария Владимировна

кандидат философских наук

доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;

доцент кафедры онтологии и теории познания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;

e-mail: m.v.pyrina@usla.ru

ResearcherID: AAM-3941-2021

About the author

Maria V. Pyrina

Candidate of Philosophy

Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, 620066, Russia

Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;

e-mail: m.v.pyrina@usla.ru

ResearcherID: AAM-3941-2021